
АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ МАСС

ЧАСТЬ III

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Мы хотим, чтобы власть была передана народу. Он может управлять собой лучше, чем кто-либо от него оторванный.

Слова сторонника Уго Чавеса

ДРУГАЯ ПОЛИТИКА

После лихорадочной политизации российского общества на рубеже 80–90-х сегодня ощутим спад политической активности – столь же болезненный. Партии превратились в клубы, их лидеры, вчера ещё не сходявшие с экранов, ушли в бизнес или заделались чиновниками. Результаты выборов, с точностью до десятых долей процента, известны задолго до голосования.

Политика аттестована как “грязное дело”, а те, кто увлекаются ею, ославлены “чудиками” и даже “идиотами”. Соцопросы подтверждают: только 7 процентов респондентов интересуются политикой (“Время новостей”, 23.11.2007).

Между прочим, если обратиться к с у т и понятий, то обнаружится, что древнегреческое слово *politikē* означает искусство управления государством. Человек, обладавший правами гражданина, именовался *polites*. А вот слово *idiotes*, также греческого происхождения, обозначало тех, кто не принимал участия в общественной жизни. Аристотель в классическом трактате “Политика” определял человека как “с у щ е с т в о п о л и т и ч е с к о е”, а живущего “вне государства” называл существом “недоразвитым в нравственном смысле” (здесь и далее ссылки на трактат даны по изданию: Аристотель. Политика. М., 2002).

Такая обидная для наших политически индифферентных сограждан характеристика может показаться произвольной и несправедливой. Но вспомним, что в Афинах господствовала п р я м а я д е м о к р а т и я: важнейшие вопросы решало н а р о д н о е с о б р а н и е, в котором мог участвовать каждый гражданин мужского пола, достигший 18 лет (“История Европы”, Пер. с фр.: Минск–Москва, 1996). Принимая решение, люди определяли, как им жить. Тот, кто уклонялся от этого, считался идиотом – в точном соот-

Продолжение. Начало в № 10–12 за 2006; № 3–4, 6–7 за 2007; №1 за 2008 год.

ветствии с современным значением этого слова: человек, не способный управлять своей жизнью.

Противники демократического устройства обычно указывают, что греческая демократия не была всеобщей. К управлению не допускали женщин, рабов и так называемых метеков – переселенцев, не получивших афинского гражданства. Но этот довод отдаёт крючкотворством. Можно подумать, что какая-то иная политическая модель того времени предполагала равноправие рабов и женщин. Достояна внимания не частичная дискриминация, обычная и для позднейших эпох, а широта, с какой основная масса населения вовлекалась в управление государством. По подсчётам историков, “в Афинах во времена Перикла насчитывается примерно 150 000 свободных граждан, включая членов их семей, 125 000 рабов и примерно 40 000 метеков” (“История Европы”).

Раз уж зашла речь, скажу о том, о чём умалчивают обличители греческой демократии. “Времена Перикла” – V век до нашей эры, это не только расцвет демократического строя, но и эпоха наивысших достижений Древней Греции во всех областях деятельности. Не случайно этот период назван “классической античностью” или “осевым временем”, вокруг которого строится история человечества.

V век до н. э. – это победа древнегреческих полисов во главе с Афинами в мидийских войнах. Малочисленные греческие отряды отразили нашествие 300-тысячного персидского войска. Сокрушили мощь самой обширной и населённой империи своего времени.

V век – это расцвет греческого искусства. Подчеркну, он связан с победой над персами. Греки расценивали её как доказательство превосходства демократии над тиранией и стремились запечатлеть свой успех в архитектуре, скульптуре, драматургии, истории. Именно тогда строится Парфенон – как памятник победы над империей Ксеркса. Фидий создаёт статую Афины Паллады – покровительницы Афин. Эсхил, участник битвы при Саламине, пишет трагедию “Персы”. Геродот и Фукидид воссоздают эпизоды мидийских войн и, осмысляя эти события в ходе времён, закладывают основы истории как литературного жанра и как науки.

Благодаря Фукидиду до нас дошли слова Перикла, произнесённые при погребении афинских воинов, – одно из первых определений демократии: “Положение, при котором всё зависит от большинства, а не от маленькой кучки, носит название “демократия” (цит. по: “История Европы”).

Век Перикла – это и время расцвета древнегреческой философии. Половина великих мыслителей античности – из той эпохи: Гераклит Эфесский, Анаксагор, Левкипп, Демокрит. Знаменитый софист Протагор был идеологом демократии и учил афинских политиков искусству управлять народом при помощи слова. Его противник Сократ порицал демократию, но и этот величайший ум античности – порождение свободного философствования, от демократии неотделимого*.

Нет возможности говорить здесь о развитии других наук. Упомяну лишь Гиппократ в медицине и пифагорейцев в математике. И весь этот выплеск творческой энергии, не имеющий аналогии в истории, непосредственно связан с политическим раскрепощением личности в условиях демократии. Историки подчёркивают: “Высочайший подъём греческой культуры в V в. до н. э. был связан главным образом с расцветом классического полиса. Усиление демократии, участие в политической жизни большинства свободных граждан и в то же время ожесточённые политические и социальные конфликты, требующие самоопределения каждого индивида... всё это породило своеобразные черты культуры классической Греции” (“Древние цивилизации”. Под ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1989).

* Осуждение Сократа не связано, во всяком случае впрямую, с его политическими воззрениями. Истцы обвиняли его в том, что “он не признаёт богов, которых признаёт город, и вводит других, новых богов”. Обвинялся он и в “развращении молодёжи” (Кессиди Ф. Х. Сократ. М., 1988). Обстоятельства процесса дают некоторое представление об афинской демократии: в состав суда входило 6 000 человек, судебная палата, где рассматривали дело философа, состояла из 500 судей.

Напоминаю об этом потому, что современному русскому человеку, не слишком хорошо знакомому с мировой историей, равно как и с политическими теориями, понятие “демократия” досталось из рук мошенников. Нас обольстили звучным словом и, воспользовавшись замешательством, обворовали, унизили, а под конец отобрали и те политические права и свободы, которые обещали при разрушении “тоталитарного режима”. Вот почему многие относятся к демократии, как к ваучеру Чубайса: раз за тот не дали две “Волги”, значит, и это – обманка.

Разумеется, никто не запрещает сказать: отказываюсь, наплевать, это меня не колышет! Однако не худо бы знать, что ты отвергаешь. О практических последствиях выбора мы поговорим в заключительных “русских” главах. Здесь же я хотел не просто уточнить термины, но и показать, какое богатство культуры, какое чарующее изобилие исторической жизни связано с ними.

Может быть, хотя бы в память о захватывающей дух грандиозности её свершений имеет смысл время от времени мысленно возвращаться к классическим понятиям, на которых основывались достижения античности. Надо заново открыть и почувствовать их правоту, очистить от превратных толкований и воспользоваться ими в попытке возродить наше общество, находящееся в страшном упадке.

Почему бы не начать с того же, с чего всякий раз начинали сторонники власти большинства: вернуть политике её истинное значение и роль. вспомнить самим – и другим зарубить на носу: политика – это не что-то чуждое людям, насильственное по отношению к ним, “грязное и опасное дело”, это – напротив – воплощение их воли, разума, стремления устроить свою жизнь максимально удобно и безопасно.

Современная политика не похожа на этот идеал? Значит, нужна ДРУГАЯ ПОЛИТИКА.

Как, наверное, догадывается читатель, я вновь обращаюсь к латиноамериканскому материалу. Но прежде укажу на пример наших соседей – людей схожей судьбы и опыта.

“Я голосую, чтобы что-то изменить. Если не пытаться, то ничего и не получится”. Слова молодого поляка, сказанные корреспонденту “Евроньюс” накануне парламентских выборов (21.10.2007).

Под руководством братьев Качиньских – этих Болека и Лёлека современной политики – Польша окончательно рассорилась с Россией, противопоставила себя Старой Европе, стала посмешищем для соседей.

Что сделали поляки? Они не рассуждали: политика – грязное дело, кого бы ни выбрали – лучше не будет, – набор тезисов, хорошо знакомый российскому избирателю. Пришли на участки и проголосовали за наиболее популярную партию оппозиции. В октябре 2007-го такой считалась “Гражданская инициатива” Дональда Туска. Она и победила.

Точно так же перед этим пришли к власти сами Качиньские. Избиратели отдали их партии “Право и справедливость” предпочтение перед социалистами Александра Квасьневского. А тот, в свою очередь, сменил Валенсу и его “Солидарность” после того, как профсоюзные лидеры образца 1981 года переродились в бюрократов и разошлись с собственным народом. **Всякий раз механизм был один и тот же: разочаровавшись в правящей партии, избиратели передавали мандат на власть её наиболее сильному оппоненту.**

– А толку? – скажет наш доморощенный скептик.

Судите сами: Дональд Туск немедленно нормализовал отношения с Россией. И месяца не прошло, как польское мясо (главный предмет торговых свар между нашими странами) стало поступать в Москву. Весомая выгода польским производителям. Да и нам лучше получать продовольствие от соседей, а не везти с другого конца света.

Если же говорить о работе политической системы в целом, то каждый кандидат, стремясь привлечь избирателей, обещал улучшить их жизнь и отрегулировать экономику. И хоть в какой-то мере обещания выполнял. В итоге польский ВВП в пересчёте на душу населения составляет сегодня 16 тыс. долл., а российский – только 13 с небольшим (“Wikipedia”). При том, что Польша лишена полезных ископаемых, а Россия буквально сочится нефтью и газом, ежемесячно растущими в цене!

Конечно, и это – не рай земной. И даже не уровень Старой Европы. Но рай возможен только на небе. А лучший для Польши способ дотянуться до Старой Европы – перестать ссориться с нею, что и обещал Туск.

Удастся ли? Посмотрим. Главное помнить: “Если не пытаться, то ничего и не получится”.

Сегодня подобным образом рассуждают не только в Польше, но и в Африке, ещё недавно считавшейся безнадежно отсталым континентом. Репортёр “Европьюс” задаёт вопрос жителю Руанды, пострадавшей от гражданской междоусобицы: “Вы не интересуетесь политикой?” “Почему? – удивляется негр. – **Без политики мы не сможем изменить нашу страну к лучшему** (выделено мною. – А. К.). Мы хотим добиться изменения к лучшему путём голосования, а не путём насилия” (“Европьюс”, 23.09.2007).

Господи! Ну почему негр из Руанды, вся политическая история которой насчитывает четыре десятилетия, понимает это, а мои соотечественники, наследники тысячелетней государственности, нет?

Неужели все “в шоколаде”? Неужели никто из 80 процентов тех жителей России, которые вынуждены тратить зарплату на элементарное подержание жизни – приобретение еды и одежды, отказывая себе в покупке всего, что “сверх”, неужели они не мечтают о новом телевизоре или о новом диване? А ведь процент этих несчастных, едва держащихся на плаву, не уменьшается уже много лет – свидетельство непролазной бедности основной массы народа, что бы ни вещали власти, ежегодно рапортующие о “повышении уровня жизни”.

Или же мечтают – да ещё как? Тогда почему не говорят об этом? Никто не слышит? Ну так в том и заключается суть демократии, чтобы *з а с т а в л я т ь* власть имущих слушать – и слышать! – голос большинства.

Есть много способов “прочистить уши” тем, кто наверху. Наиболее действенный – угроза отстранения от власти. Выборы предоставляют для этого легальную возможность. Вот когда господа начальники поворачиваются к народу. Но для этого угроза должна быть *р е а л ь н о й*, политическая борьба – *б е с к о м п р о м и с с н о й*.

Ну а пока...

Поставьте себя на место властителей: чтобы преобразовать экономику, поднять уровень жизни, нужно затратить много средств, приложить массу усилий. Но если люди довольны тем, что есть, во всяком случае, не ропщут, не делают попытки добиться большего, *з а ч е м* тратить на них силы и средства?

Перед думскими выборами партия власти не сочла нужным объяснить с избирателями. “Единая Россия” отказалась участвовать в теледебатах. Вместо этого она предложила некий План, где ничего, кроме названия, не было. И что бы вы думали – соцопросы показали: россияне решили, будто дебаты выиграла именно “Единая Россия”! А потом дружно проголосовали за неё и “План Путина”...

Кому отдали голоса те, кто не может позволить себе покупку кровати или пылесоса? Если верить данным Центризбиркома, многие из них поддержали “Единую Россию”.

Любопытна поэтическая передовица, опубликованная оппозиционной газетой “Завтра” в декабре 2007 года. Автор, Евгений Нефедов, начинает с констатации:

*Россия бурно столько лет
Всё выбирает, выбирает!
И потихоньку среди бед
Всё вымирает, вымирает.*

Точно подмеченная гибельная динамика. Но вот как завершается опус:

*Идти вперёд,
податься вспять,
Склониться влево или вправо?
Россия думает упрямо...*

Ну, а её, как на расправу,
Ведут
На выборы
Опять! *

Почему же – ведут, да ещё как на расправу? Если Россия вымирает, она должна бы сама идти и не идти даже – ломить на выборы! Не “думать упрямо” – в подобной ситуации это походит на состояние протрации, – а срочно менять гибельный курс и власть!

Скажут: знаем мы эти выборы. В Мордовии “Единой России” нарисовали 109 процентов – и ничего! Поправили только цифирь, дабы выглядело пристойно.

Но отчего это стало возможным? От того, что кроме нескольких наблюдателей от оппозиции (репортаж от имени одного из них размещён в Интернете), произвол, доведённый до абсурда, никого не возмутил. А в Ингушетии, где, по данным федерального избиркома, проголосовало 99 процентов населения – и чуть ли не поголовно за “Единую Россию”, репрессии чиновников вызвали народное негодование. И люди начали акцию “Я не голосовал”. За месяц жители республики разместили на сайте Ingushetiya.ru 90 тысяч заявлений о том, что они не принимали участия в голосовании (“Коммерсантъ”, 16.01.2008). Ингушетия – крошечная республика: 90 тыс. человек – это 54 процента избирателей. Власти, похвалившиеся стопроцентной явкой, оказались в идиотском положении. Если бы оппозиция в Москве была сильна и боевита, из этой акции можно было бы раздуть грандиозный скандал. Но и не поддержанная на федеральном уровне, она показала: люди могут заявить о своей позиции. Если она у них есть. Равно как чувство чести и собственного достоинства.

Древние не случайно отказывали уклоняющимся от участия в государственной жизни в нравственном развитии. Аристотель основывал политический инстинкт на “свойстве людей” различать добро и зло, справедливость и несправедливость. Замечая, что это свойство отличает человека от животного.

Конечно, бороться за человеческое достоинство российскому избирателю приходится в условиях несравненно худших, чем у его соседей в Восточной Европе. О Европе Западной и обеих Америках и не говорю. Обстоятельства наших выборных кампаний последних лет хорошо известны...

Обращу внимание на подробность побочную, но чрезвычайно выразительную. В российских пособиях по политтехнологиям отсутствуют разделы, посвящённые электорату. Не народу, не людям – мы смирились с тем, что к нам подходят не как к личностям, а как к объектам манипулирования. Но теперь, похоже, и это считается излишним.

Показательна популярная книга Е. Минченко “Как стать и остаться губернатором” (Челябинск, 2001). Её несомненное достоинство – анализ многочисленных губернаторских кампаний к востоку от Урала. Огромное внимание уделено элитам. Вот заголовки глав: “Борьба за элиты”, “Элитные игры”, “Элитный консенсус”. Детальному рассмотрению подвергнуты все “центры силы” – от федерального уровня до регионального. Учитывается не только традиционное противостояние в лагере набирающих всё больший вес силовиков: ФСБ против МВД, но и противоречия внутри милицейских структур.

Большое значение придаётся личностным характеристикам кандидатов – вплоть до мимики и жестов. Извольте ознакомиться:

Жесты:

1. Иллюстративные, усиливающие речь.
2. Присоединяющие.
3. Защитные:
 - опорные,
 - закрывающие.
4. “Сорняки”.
5. Другие.

* “Завтра”, №49, 2007.

Мимика:

1. Мышцы лица.
2. Рот.
3. Нос.
4. Подбородок.
5. Брови.
6. Глаза.

Контакт глаз:

1. Есть – нет.
2. Продолжительность.
3. Частота установления.
4. В каких случаях устанавливается.

И т. д. и т. п. Обстоятельно до анекдотичности.

Но – ни слова о том, кому предназначаются тщательно за-протоколированные жесты, с кем должен быть установлен контакт. Нет избирателя, человека, призванного сделать выбор. Его проблем, ожиданий, страхов. Автор книги, активно и успешно практикующий пиарщик, не считает нужным обращать внимание кандидатов на необходимость сбора и анализа настроений электората. “Пипл схавает”, удалось бы договориться с элитами.

Известно: российские (как и все постсоветские) политехнологи равняются на американских. Понятно, в Соединённых Штатах пиар, в том числе политический, давно стал индустрией – хорошо отлаженной, доходной. Тем любопытнее предупреждение знаменитого исследователя политической жизни США Макса Лернера: “Не следует впадать в ошибку, придавая чрезмерное значение механистической организации американской политики. Было бы также рискованно изображать американского избирателя этакой марионеткой, которую без труда... можно заставить действовать по указке профессионального политика или специалиста по связям с общественностью” (Лернер Макс. Развитие цивилизации в Америке. Т. I. Пер. с англ. М., 1992).

Лернер предупреждает об опасности дегуманизации политики, превращаемой в своего рода технологический процесс. Но, по мнению исследователя, в американской политической жизни преобладает всё-таки человеческое начало. Классовый и профессиональный интересы, деньги, технологии – всё это, разумеется, оказывает огромное влияние на выбор избирателя. И всё-таки он ищет за маской разрекламированного лидера человеческие черты, привлекательные лично для него – или его отталкивающие.

Между прочим, первые из череды начавшихся в этом году в США праймериз преподнесли сюрпризы наблюдателям и политехнологам. В Айове и у демократов, и у республиканцев победы одержали не те, на кого ставили знатоки (и кого активно поддерживали спонсоры). Признанный фаворит среди демократов – Х. Клинтон заняла только третье место, пропустив вперёд Б. Обаму и Дж. Эдвардса. Среди республиканцев первенствовал не мультимиллионер М. Ромни, а сравнительно малоизвестный М. Хакаби. И он, и Эдвардс не преминули подчеркнуть, что большие деньги решают далеко не все.

Увидим, как будут развиваться события. В американской политике не раз случалось, что талантливые и привлекательные для избирателей кандидаты в конечном счёте оказывались блокированными представителями бизнеса и кастой партийных бюрократов. Пример Патрика Бьюкенена, блестящего оратора и умного аналитика, которому республиканцы предпочли предельно ординарного Дж. Буша, красноречив. Однако “своеволие”, продемонстрированное избирателями в Айове, показывает: американская политика не зарегулирована окончательно.

Макс Лернер обращает внимание на то же обстоятельство, что выделено мною в первых главах “Возвращения масс”: народ поддерживает лидера не механически, как неизбежно получилось бы, если бы его симпатии регулировали исключительно политехнологи, но обдуманно и даже выстраданно, связывая с ним свои заветные устремления. Фактически программируя избранника на определённое поведение. “Можно говорить о том, – пишет Лернер, – что если политик манипулиру-

ет избирателем, то и избиратели манипулируют политиком, безапелляционно навязывая политическому лидеру угодную им роль. Они делают его выразителем своих политических настроений и симпатий, независимо от того, что думает и во что верит он сам. В ходе избирательной кампании политический лидер всякий раз пропитывается мыслями и чувствами своих приверженцев, равно как и они многое перенимают у него. Если порой избирателями и манипулируют, то и в действиях лидера нетрудно усмотреть чужое влияние” (Лернер Макс. Развитие цивилизации в Америке. Т. I).

В Америке, с её тщательно структурированным выборным процессом, в заимодействие политиков и публики можно проследить с демонстрационной наглядностью. Площадкой для их “встречи” являются те самые праймериз и национальные конвенты партий. Здесь, по словам Лернера, “личность каждого кандидата высвечивается до мельчайших подробностей. Можно оценить, насколько он искущён в политическом манёвре, понять, прямодушен он или хитёр, способен ли чутко улавливать главные настроения своего времени” (там же).

Праймериз – удобная возможность предложить стране того кандидата, кого она сама хотела бы видеть во главе. Симптоматично, что и в России накануне нынешней президентской кампании решили организовать некое подобие первичных выборов. Обществу представили двух кандидатов – С. Иванова и Д. Медведева, затем добавили В. Зубкова. Однако особенности российской политики проявились и здесь. Накануне декабря, когда Кремль определился с кандидатом, опросы общественного мнения фиксировали такую картину: “На первое место премьера (В. Зубкова. – А. К.) поставили 32 процента опрошенных, 19 отдали голоса Сергею Иванову, 17 процентов Дмитрию Медведеву” (“Коммерсантъ”, 3.11.2007).

Зубков – единственный руководитель советской складки в команде питерских сразу привлёк симпатии резко обозначенным вниманием к “простому человеку”. Не к национальным проектам социальной направленности (амплуа Медведева), а именно – к ч е л о в е к у . Но Путин выбрал Медведева. Тот же “Коммерсантъ” пояснил, почему: “Он, как считается, открыт к конструктивным отношениям с Западом” (11.12.2007).

Выдвижение “либерала” Медведева – лучший способ узаконить в глазах Запада сомнительную, с точки зрения демократии, передачу власти “преемнику”, а заодно и всю иерархию, сложившуюся в Кремле за последние годы. И Запад, до этого грозивший не признавать результаты выборов (“Весьма реален риск того, что после 2008 года российское руководство будет рассматриваться как нелегитимное”, – предупреждали американские эксперты*), принял наиболее приемлемую для себя кандидатуру**.

А как же мнение россиян?..

Здесь мы наконец перейдём к Латинской Америке, сделав напоследок раздосадованный жест в сторону несчастного отечества.

Своих любимцев латиноамериканская публика узнаёт не на краткосрочных праймериз, устраиваемых раз в четыре года. Тут степень контакта, накал чувств иные! Если говорить о лидерах “левого поворота”, таких, как Лула или Чавес, то их Латинская Америка взращивала в своих фавелах, давала политическое образование в полуподпольных кружках, вселяла дух борьбы в ходе скоротечных переворотов, закаляла в тюрьмах, чтобы выдвинуть из рядов простонародья, смыкавшихся за ними многоголосой массой – восторженной, язвительной, грозной.

Когда Луис Игнасиу Лула да Силва, в просторечии Лула, рабочий-металлист, профсоюзный вожак, лидер Партии трудящихся, в январе 2003-го вступал в должность президента Бразилии, “атмосфера в городах страны очень напоминала ту, которая царила здесь, когда бразильские футболисты стали чемпионами мира” (BBC Russian.com). 150-тысячная толпа хлынула на улицы столицы. Размахивали флагами, пели, танцевали – на мостовой и даже на крышах автомобилей. “Никогда прежде народ не встречал так нового президента, – цитировали информагентства слова участника торжества. – Лула – рабочий, и этим всё сказано” (там же).

* “Независимая газета”. 14.04.06.

** По свидетельству газеты “Время новостей”, западная пресса одобрительно именует Медведева “новым Горбачевым” (22.01.2008).

Для простых бразильцев этим, конечно, сказано всё, а вот русскому читателю нужны пояснения. Общество Нового Света строго иерархично (вспомним хотя бы роман колумбийца Альфонсо Микельсена “Избранные”). Здесь нет привычной для Европы аристократии, буржуазия довольно малочисленна. Зато есть средний класс – профессионалы высокой пробы, носители знаний, культуры и власти. Я общался с этими людьми, даже краткого разговора достаточно, чтобы понять: они не готовы делиться не то что властью – элементарными удобствами. Их приводит в ярость, что обитатели фавел могут покупать продовольствие в тех же магазинах, что и они, слушать ту же музыку, посещать те же музеи. Во многом этот слой живёт представлениями, столь ярко сформулированными ещё Хосе Ортегой-и-Гассетом в “Восстании масс”.

Мысль о том, что ими будет править какой-то рабочий, нестерпима для среднего класса. Четыре раза – представьте: четыре! – низовая Бразилия, живая, непокорная, настырная многомиллионная масса выдавила своего кандидата наверх. Его рейтинги взлетали на “предпобедные” высоты – 30 и даже 40 процентов. Но трижды элитарной Бразилии удавалось остановить этот прорыв, оттеснив “выскачку” на второе место. Последний раз в 1998-м ценой подрыва экономики: из Бразилии были выведены миллиарды долларов, зашаталась и упала национальная валюта – реал.

На четвёртый раз Лула победил. Вот почему ликующие толпы запрудили улицы. К. Майданик, побывавший в те дни в Бразилии, назвал это торжество “невиданным в истории страны социальным праздником низов, подобным явлению мессии, “короля Себастьяна” (“Латинская Америка”, № 5, 2003).

В Южной Америке политиков испытывают сама жизнь, время и, разумеется, миллионы их пылких сторонников и яростных противников. И будьте уверены – эти взвихренные человеческие множества вкладывают в избранных свои надежды, страхи, желания, свою душу.

Пример Уго Чавеса, может быть, ещё более нагляден и впечатляющ. Если с Лулой народ был в его торжестве, то с Чавесом остался в поражении. В апреле 2002 года, когда путчисты захватили президента и заточили в тюрьму. Случай, в общем-то, рядовой на “бунтарском континенте”. Но то, что произошло затем, **не имеет прецедента в новейшей истории. Миллионы сторонников Чавеса вышли на улицы, требуя: “Верните нашего президента!”** (“Завтра”, № 17, 2004). **И ошалевшие от такого натиска путчисты выпустили народного героя, который вернулся в президентский дворец Мирафлорес под восторженный рёв толпы.**

Легко писать, но то был действительно уникальный случай! Отстранение от власти везде и всегда означает политическую смерть. Вчера был “отец нации”, “национальный лидер” – придворные подхалимы неистощимы в изобретении льстивых эпитетов. Но как только власть ускользает из рук, человек теряет и пышные звания, и влияние, и народную любовь. Хорошо, когда подобная трансформация – результат цивилизованной смены власти. Но если она – следствие военного переворота, то вместе с креслом руководитель может потерять и жизнь.

Заговорщики, пленившие Чавеса, были военными...

Впрочем, всё по порядку. Венесуэла, как, кстати, и Россия – петроштейт. Страна, зависящая от добычи и экспорта нефти. Нефтедоллары не просто наполняют казну и обеспечивают некий уровень благосостояния, но и поддерживают социальную стабильность. Вся эта незамысловатая конструкция держится на могучих плечах государственного монополиста – компании *Petroleos de Venezuela (PDVS)*. Предшественники Чавеса в ходе неолиберальных реформ собирались частично приватизировать её.

Но то, что в России власть сделала с “Роснефтью” или с “Газпромом”, Чавес не дал сотворить с PDVS. Он поломал планы приватизаторов – крупнейших олигархов страны. И сделал их своими злейшими врагами.

Кроме того, президент решил заменить руководство PDVS. В феврале 2002-го он назначил своих людей. Либеральная пресса всего мира много шумела по этому поводу, указывая, что назначенцы Чавеса некомпетентны, ибо они военные. При этом газетчики стыдливо забывали напомнить, что и прежний руководитель нефтяного гиганта был генералом!

Как бы то ни было, Чавес испортил отношения с двумя важнейшими “центрами силы” – олигархами и элитой нефтяной отрасли. Ситуацию усугублял

застарелый конфликт с Соединёнными Штатами, имевшими свои виды на венесуэльскую нефть.

Дальнейшие события я излагаю по материалам газеты “Коммерсантъ”, помеченным апрелем 2002 года. Первый удар по Чавесу был нанесён совсем не с той стороны, откуда его следовало ожидать. На защиту топ-менеджеров неожиданно встали рабочие. Понятно, не сами нефтяники – их боссы. Глава крупнейшего профсоюза Карлос Ортега пригрозил всеобщей стачкой, если Чавес не отзовёт своих назначенцев.

Президент отказался, и в первых числах апреля забастовка началась. Страна осталась без нефти и бензина (что чрезвычайно болезненно для такой автомобильной державы, как Венесуэла), а также без средств. Забастовщиков поддержали бизнесмены – руководители Федерации торговых и промышленных палат. Обозреватели отмечали, что это, наверное, единственный случай, когда рабочие и промышленники действуют заодно. Тут необходимо уточнить, что работники венесуэльской нефтянки – самые высокооплачиваемые в стране. Фактически, это часть того среднего класса, который особенно яростно противится социальным переменам.

11 апреля 150-тысячная толпа противников Чавеса блокировала дворец Мирафлорес. К нему двинулись и сторонники президента. Прозвучали выстрелы. 12 человек погибло, более 100 – ранено. Высшие армейские чины будто ждали этого момента. Командующий сухопутными войсками генерал Эфраин Васкес заявил: “Господин президент, я был верен вам до конца, но сегодняшний случай я не могу стерпеть” (“Коммерсантъ”, 13.04.2002).

А к дворцу уже двигались танки. В ночь с 11 на 12 апреля мятежные генералы отстранили Чавеса от власти. “Правительственную хунту” возглавил председатель Федерации торговых и промышленных палат Педро Кармона. Он немедленно распустил Национальную ассамблею и отменил полсотни социально-экономических декретов Чавеса.

В те дни не только “Коммерсантъ” активно комментировал происходящее. В моём архиве сохранилось немало газетных откликов. Поражало нескрываемое злорадство – тем более неуместное, что Чавес с момента своего избрания заявлял о союзных отношениях с Россией. С падением Чавеса Россия теряла не только миллионные военные заказы. Сырьевые биржи отреагировали на переворот снижением цены на нефть – это грозило лишить нашу страну миллиардных прибылей. Казалось бы, впору печалиться. Однако российская печать не в первый раз заняла антироссийские позиции.

“Заболтавшийся герой”, “Доигрался”, “Режим не выдержал первого же серьёзного испытания”, – это лишь малая толика насмешек и оскорблений, звучавших в московских СМИ. Чавесу припомнили всё: визит в Ирак к обречённому Саддаму, дружбу с Кастро, борьбу за повышение цен на нефть, осуждение американской агрессии в Афганистане. Американская тема звучала едва ли не во всех комментариях. Газета “Известия” отмечала: “Американцы могут праздновать победу” (12.04.2002).

С особым удовольствием авторы подчёркивали: массы, для которых так много сделал президент, не поддержали его. Выходит, газетчики понимали – где сила Чавеса. Видели в нём народного лидера. И торжествовали: обратная связь не сработала! “Никогда нельзя быть уверенным, – философствовал известный обозреватель Г. Бовт, – что толпа, сегодня вознесшая тебя на вершину славы и почитания, уже завтра не низвергнет тебя же на самое дно общенационального позора и проклятий” (сайт Известия.ru).

Буржуазная печать охотно повторяла тезис главы заговорщиков П. Кармоны о “резне”, в которой якобы повинен Чавес.

Для меня это вопрос принципиальный. У меня есть основания сомневаться в том, что приказ о расстреле демонстрации отдал президент. На все лады твердившие об этом российские газеты собственных корреспондентов в Венесуэле не имели. Едва ли не единственный наш журналист, оказавшийся на месте событий, – Дмитрий Кирюшин изображал картину в ином свете: **“Как утверждает вчерашня оппозиция** (здесь и далее выделено мною. – А. К.), у кого-то в президентском дворце сдали нервы, и верным Чавесу войскам был отдан приказ стрелять по толпе на поражение. Впрочем, **нельзя исключать и версию о провокации, подстроенной противниками президента”** (“Время МН”, 13.04.2002).

Корреспондент сообщает ещё одну, чрезвычайно важную подробность. В отличие от других газетчиков, валивших всё в кучу, Кирюшин разбивает события у дворца на несколько этапов. “В конфликт вмешались военные власти, – фиксирует корреспондент. – По приказу... генерала Эфраина Васкеса, которого поддержали около 40 высших чинов вооружённых сил, к президентскому дворцу стали стягиваться танки и бронетранспортёры. В результате начавшейся перестрелки погибли 12 и были ранены 110 венесуэльцев” (там же).

Так когда же появились жертвы? После залпов защитников дворца или после вмешательства армии, выступившей на стороне заговорщиков?

Кстати, впоследствии именно противники Чавеса не раз использовали обстрел оппозиционных шествий, для того чтобы взвинтить обстановку. В период избирательной кампании 2006 года радикалы готовили даже покушение на кандидата от оппозиции Мануэля Росалеса, чтобы “свалить всё на Чавеса, будто это президент приказал убить соперника” (“Коммерсантъ”, 2.12.2006). Так что можно предположить, что версия Кирюшина о провокации у дворца Мирафлорес не лишена оснований.

Сам Чавес на следующих стадиях конфликта проявлял подчёркнутое миролюбие. Во время путча часть армии сохранила верность президенту. Прежде всего десантные войска – бывшие сослуживцы Чавеса. Он мог попытаться силой подавить мятеж. Однако не сделал этого. Даже враждебно настроенные к Чавесу обозреватели признают: “Стремись избежать кровопролития...” (“Независимая газета”, 8.07.2004).

После провала заговора Чавес не стал преследовать его руководителей. Глава “хунты” Педро Кармона уехал в Соединённые Штаты.

И, наконец, решающий аргумент. Народ не поддерживает кровавых диктаторов – во всяком случае, в ситуации, в которой оказался арестованный президент. А Чавеса люди поддержали. 13 апреля на улицы Каракаса вышли два миллиона его сторонников. В провинции митинговали ещё пять миллионов (“Завтра”, № 17 2004). В 26-миллионной Венесуэле это более чем четвертая часть населения.

Выразительный штрих: буржуазная пресса, накануне злорадствовавшая по поводу “молчания народа”, скрыла факт широчайшей народной поддержки Чавеса. Вот как сообщали “Известия” о случившемся: “Уго Чавес силой вернул себе президентство” (14.04.2002).

Чтобы понять, на чём основывается глубокая связь венесуэльского лидера с народом, следует обратиться к его жизненному пути. О Чавесе написано немало, в том числе – книга Эмиля Дабагына “Уго Чавес: политический портрет” (М., 2005). Между прочим, это само по себе свидетельство неординарности президента Венесуэлы. Насколько мне известно, он единственный латиноамериканский политик, удостоившийся прижизненной монографии. При изложении его биографии и воззрений я буду основываться на работе Дабагына, внося дополнения и поправки за счёт привлечения материалов из газет и интернета.

Уго Рафаэль Чавес Фриас родился 28 июля 1954 года в местечке Сабанета, штат Баринас. Это западный угол Венесуэлы, неподалёку от колумбийской границы. Его родители – учителя – были людьми небогатыми (президент любит вспоминать, что впервые надел ботинки в 10 лет). Однако у рода давняя и славная история. Предок Уго по материнской линии – активный участник Гражданской войны 1859–1863 гг. Он сражался под руководством народного вождя, борца с олигархами Эсекиеля Саморы. Прадед Чавеса – генерал Педро Перес Дельгадо – в 1914-м поднял восстание против диктатора Гомеса. Мятеж подавили, и генерал умер в тюрьме.

Дабагян пишет: “Рассказы и легенды об этих героических событиях передавались из поколения в поколение, будоража сознание детей. Они нередко устраивали вылазки по местам героических сражений, пытаясь найти затерявшиеся в песках гильзы”.

Видимо, мечта о боевой героике предопределила решение юного Уго поступить в Военную академию. Его биографы с нажимом упоминают о том, что в годы учёбы он интересовался в основном бейсболом. Так лепят образ “спецназовца”, как презрительно именуется его московская пресса. Лишь непредвзятый свидетель – корреспондент ИТАР-ТАСС К. Сапожников сообщает: Чавес с юности любит и хорошо знает поэзию. Во время выступлений он нередко читает стихи Сесаро Вальехо, Пабло Неруды, Рубена Дарио (“Латин-

ская Америка”, № 5, 2003). От себя добавлю: подбор поэтов свидетельствует о великолепном вкусе!

Во время учёбы (это мы также узнаём из заметок Сапожникова) Чавес много занимается самообразованием – изучает экономику, политологию, философию. Тогда он и знакомится с трудами знаменитого уроженца Каракаса, освободителя Южной Америки Симона Боливара и становится его горячим поклонником.

Похоже, здесь следует искать корни жгучего антиамериканизма (антисевероамериканизма) Чавеса. Его кумир ещё в 1823 году пронизательно заметил: “Соединённые Штаты, кажется, самим провидением предназначены для того, чтобы наводнять Америку (Южную. – **А. К.**) нищетой от имени свободы” (цит. по: “Латинская Америка”, № 11, 2007).

В 1819 году Боливар создал Великую Колумбию – государство, занимавшее территорию нынешних Колумбии, Венесуэлы, Панамы, Эквадора, части Перу, Гайаны и Коста-Рики. Воспоминания о былом величии и единстве республики Боливара пленили воображение Чавеса. Уже став президентом, он рассказывал, как в юности бродил по местам походов своего кумира и случайно пересёк колумбийскую границу. Его задержали, в сумке обнаружили фотоаппарат и карту местности. Колумбийский офицер допрашивал Чавеса как шпиона, но тот гневно ответил: “Как я могу быть шпионом, когда ещё 100 лет назад наши армии были одним целым, а этот человек (он указал на изображение Боливара. – **Ред.**) был нашим общим командиром” (“Коммерсантъ”, 5.12.2006). Растроганный пограничник освободил его.

В этом настрое – зерно будущих претензий Чавеса на лидерство в Латинской Америке.

В армии Чавес сближается с такими же молодыми мечтателями, стремящимися изменить жизнь своей страны, оказавшейся на обочине мирового развития.

Венесуэла конца 80-х – начала 90-х отчасти походила на сегодняшнюю Россию. Коррупция достигала ужасающих размеров. В обществе росло недоверие ко всем институтам власти. Двухпартийная система, долгие годы служившая образцом для всей Латинской Америки, уже не воспринималась как действенный механизм преодоления кризиса, а рассматривалась как ширма, за которой политики и олигархи обделывают свои дела. Лидеры партий утратили уважение и влияние.

Венесуэла одной из первых начала проводить неолиберальные реформы. Приватизация, смахивающая на разграбление госсобственности, рост цен на бензин, продовольствие, товары первой необходимости, повышение тарифов ЖКХ – все “прелести” неолиберализма, которые другим латиноамериканцам довелось в полной мере ощутить в конце 90-х, для венесуэльцев стали реальностью десятью годами ранее.

И народ взбунтовался! В феврале 1989 года начались стихийные выступления против правительства К. Переса. Президент, слывший технократом и либералом, отреагировал с жестокостью запаниковавшего дилетанта. В ходе подавления волнений сотни человек были убиты, счёт раненым шёл на тысячи. И даже несмотря на это, акции протеста продолжались в 90-м и 91-м годах.

Для Чавеса и его молодых единомышленников эти события стали катализатором. К тому времени они успели сформировать подпольную организацию “Революционное боливарийское движение” (МБР) с отделениями по всей стране. 4 февраля 1992 года подполковник ВДВ Чавес вывел на улицы Каракаса верные ему части. Всего в восстании участвовало 10 батальонов, действовавших в четырёх городах.

Выступление было подавлено. Чавес и его сподвижники угодили в тюрьму. Но акция молодых военных разбудила страну.

Дальнейший путь Чавеса известен куда лучше, ибо это путь к триумфу. В марте 1994 года он выходит на свободу. Создаёт “Движение V Республика”, основой программы которого стали лозунги борьбы с коррупцией, перераспределение нефтяных доходов в пользу большинства, латиноамериканская солидарность и отпор гегемонии США. Опальный подполковник проявил себя блестящим организатором. В кратчайшие сроки чуть ли не в каждом городе появились так называемые Дома V Республики. Своего рода предвыборные штабы. Но не только. Здесь люди не просто встречались, получали материалы из центра, они обсуждали и, по возможности, решали свои бытовые проблемы.

То были зачатки прямой демократии — проекта, предложенного Чавесом народу. И народ, вытесненный на обочину политики, униженный и ограбленный неолибералами, горячо потянулся к молодому лидеру. В 1998 году Чавес выставил свою кандидатуру на президентских выборах и победил, собрав 56,2 процента голосов. В январе 1999-го он впервые приносит присягу в качестве президента.

Я специально уточнил: “впервые”, ибо в дальнейшем Чавесу неоднократно приходилось приносить присягу. По существу, **его правление — это не прерывный референдум, в ходе которого то он сам, то его противники апеллируют к массам. За 9 лет президентства Чавесу пришлось преодолеть 9 серьёзных испытаний. Таких, как выборы разных уровней, попытка переворота, всеобщая забастовка, три референдума. Если судить по этому списку, можно подумать, что Чавес — слабый политик, едва удерживающийся в кресле. Но это не так. За 9 лет он трижды выигрывал президентские выборы, неизменно собирая под 60 процентов голосов — великолепный результат для Венесуэлы. Перманентные апелляции к народу — это позиция Чавеса. Воскрешение прямой демократии, о которой мы говорили в начале главы.**

Глубокие демократические перемены президент обещал уже в инаугурационной речи. Конституцию он назвал “умирающей” и пообещал изменить её. Новый Основной закон венесуэльцы одобрили на референдуме 1999 года.

То была необычная — и не только для Латинской Америки — конституция. Её открывал раздел о референдумах. Народу предоставлялось право прекращения полномочий президента по истечении половины срока правления. Для этого достаточно собрать 20 процентов подписей избирателей (позже норму снизили до 15 процентов) и вынести вопрос на голосование... Место двухпалатного парламента заняла однопалатная Национальная ассамблея; депутатов обязали отчитываться перед избирателями. И тут за неудовлетворительную работу предусматривалась немедленная кара: отзыв депутата. Ещё одно нововведение — так называемая гражданская власть, аналог моральной власти, о которой писал Симон Боливар. Новую инстанцию Чавес наделил самыми широкими полномочиями. Протиципируем книгу Э. Дабагяна: “...Тщательный надзор за соблюдением соответствующими ведомствами и учреждениями экономических, социальных, политических, культурных и иных прав человека... Прерогатива вносить предложения по совершенствованию работы в этой области вплоть до снятия руководителей” (разрядка моя. — А. К.).

В 2000-м в стране проходят выборы всех ветвей власти. Казалось бы, Чавес шёл на излишний риск — всего год спустя после триумфа он вновь испытывает судьбу. Но венесуэльский лидер уверен в поддержке народа. И тот не подвёл. Он выбрал Чавеса в июле 2000-го. И выручил в апреле 2002-го.

Но оппозиция уже почувствовала “вкус крови”. Миролюбие президента после неудачи заговора она приняла за его слабость. Оставшиеся на свободе путчисты и, прежде всего, профсоюзный лидер Карлос Ортега — партнёр незадачливого главы хунты Педро Кармоны — считали, что падение Чавеса предрешено.

11 октября 2002-го — ровно через полгода после путча — Карлос Ортега выдвинул ультиматум: президент должен уйти или назначить новые выборы. В декабре оппозиция объявила всеобщую забастовку. Действовали по отлаженной схеме: застрельщиками выступали профсоюзные боссы, их тут же поддержала Федерация торговых и промышленных палат, пропагандистскую кампанию обеспечивали частные телеканалы и газеты, находившиеся в руках большого бизнеса. Ожидали и выступления армии, во всяком случае, её части. По свидетельству журналистов, офицеры, недовольные Чавесом, ораторствовали перед толпами, а начальник генштаба вице-адмирал Альваро Мартин демонстративно подал в отставку, протестуя против политики президента (BBC Russian.com).

До начала забастовки в Венесуэле добывали 3 млн баррелей нефти. На её пике добыча упала до 150 тыс. (“Новые Известия”, 4.02.2003). По приказу оппозиции, зачастую подкреплённому угрозами и прямым давлением, закрылись магазины, банки, школы. То была война на уничтоже-

ни е, показавшая, что противники Чавеса готовы на всё, чтобы свалить его. Продовольствия не хватало, оппозиция победно заявляла: бензина осталось максимум на неделю. Венесуэлу ждал коллапс.

Любопытные подробности содержатся в заметках К. Сапожникова. Лидеры оппозиции поклялись свергнуть Чавеса к Рождеству. Но минул декабрь, затем январь, наступил февраль, а в фешенебельных кварталах на востоке столицы стояли наряженные ёлки: обезумевшие в ненависти к Чавесу “непримиримые” объявили: “Рождество переносится”...

Корреспондент ИТАР-ТАСС рисует фантастическую картину: в течение двух с половиной месяцев в Каракасе чуть ли не ежедневно проходили шествия сторонников президента и оппозиционеров. “Противники Чавеса выходили на марши, которые проводились под разными лозунгами, но преследовали одну цель: создать ситуацию неуправляемости, двоевластия, максимально ослабить позиции правительства... Время от времени, чтобы показать оппозиции, кто хозяин в стране, сторонники Чавеса собирали собственные манифестации. Отличительным признаком демонстрантов с “запада” (где расположены кварталы бедноты. – А. К.) являются красно-оранжевые береты и рубахи, символизирующие приверженность к Боливарианской революции” (“Латинская Америка”, № 5, 2003).

Немаловажное уточнение: “Массовые акции сторонников Чавеса почти всегда проходят в воскресенье”. Сапожников не объясняет почему, но из контекста понятно: приверженцы красного президента всю неделю работают... Мы-то знаем, как руководитель государства может использовать административный ресурс: за счёт рабочего времени проводятся митинги, на которые участников подвозят специально выделенные автобусы. Ф а л ь ш и в а я п о д д е р ж к а ! В Венесуэле всё по-другому. Чависты – подчёркивает корреспондент – добираются до места проведения манифестации на общественном транспорте, на велосипедах, а то и пешком.

Ещё одна интересная деталь: война шестивий сопровождается войной песен. В любом газетном киоске можно приобрести целые стопки дисков – за и против Чавеса. “Это – музыкальная летопись эпохи Чавеса, живой фольклорный комментарий к событиям боливарианской революции”. “Песни “против” почти не продавались, – уточняет Сапожников. – Товар залёживался, пылился, портился на солнце” (“Латинская Америка”, № 5, 2003).

Российский обыватель, пожалуй, заметит на это: “Проживём как-нибудь без политических песен, а заодно и ежедневных митингов. Зато в довольстве и покое”.

Покое – может быть, хотя сомневаюсь, что Россию, эту кладовую мира, оставят в покое в ситуации сырьевого кризиса. Но в довольстве – пожелание и вовсе несбыточное. Мы уже говорили о логике властителей: если народ согласен на то, что есть, зачем давать ему больше? А вряд ли нынешнее состояние большинства русских людей можно определить как “довольство”...

Мы не удивляемся тому, что пять дней в неделю приходится ходить на работу. “А как же, надо зарабатывать на жизнь!” Не видим ничего абсурдного в том, что каждый раз после работы заглядываем в магазин: “Кушать хочется!” Но прикиньте: совсем недавно были времена, когда люди работали, а зарплату им не выплачивали месяцами. Бывали периоды, когда деньги имелись, а купить на них было нечего. И не только в советскую эпоху. Дефицит “военного набора” – соли, сахара, спичек – Россия последний раз пережила весной 2007-го. Случалось и другое: торговцы вздували цены, и прежде доступные товары оказывались не по карману.

Чуть ли не всё своё время мы тратим на то, чтобы обеспечить качество жизни. Но выясняется: невозможно добиться этого, не подерживая элементарного порядка в стране. Так почему же лишний час или день, потраченный на общественную деятельность, кажется нам потерянными бесполезно? Кто же за нас наведёт порядок?

Активное участие в жизни страны – это и есть другая политика. Точнее, политика в первоначальном, подлинном значении этого слова. Не зря мы совершили экскурс длиной в два с половиной тысячелетия, чтобы узнать, что это такое.

Показательно, что побывавший в Венесуэле в дни забастовки корреспондент газеты “Завтра” разглядел в уличном противостоянии корне-

вые черты демократии и в конечном счёте обратился к тому же греческому архетипу, о котором говорили мы. “Сейчас Каракас представляет из себя неповторимую политическую картину. Вопрос о власти решается непосредственно народными массами. Толпы народа протестуют против президента. Такие же по размеру толпы поддерживают своего лидера... Каракас – громадное вече, как в Новгороде, когда спорили, быть ли диктатором Александру Невскому, как в Афинах, когда спорили о войне с персами” (“Завтра”, № 4, 2003).

Обе стороны конфликта предельно мотивированны. Противники президента боролись за сохранение привилегий, за то, чтобы остаться хозяевами в стране. Чависты отстаивали равные права для всех. Они представляли большинство. А потому стали постепенно одолевать.

Сначала из забастовки вышла часть рабочих-нефтяников. Затем чавистам удалось уговорить команду одного (да, первоначально счёт шёл на единицы!) танкера заполнить резервуары нефтью. Почин поддержали на других судах. Венесуэла возобновила поставки нефти, и в страну потекла валюта, необходимая для решения неотложных проблем, накопившихся за 64 дня паралича.

Один за другим открывались банки, рестораны, магазины. Впрочем, кое-кто так и не поднял штор над витринами: двухмесячный простой разорил торговцев. Но это уже частности. Главное – страна возвращалась к нормальной жизни. 3 февраля забастовка была официально прекращена. Организаторы акции извинились перед согражданами (“Независимая газета”, 28.07.2004).

Необходимо упомянуть о международной подоплёке венесуэльского противостояния. Свержение Чавеса отвечало интересам США. Это было столь очевидным, что не особенно скрывалось. Московские газеты ещё в апреле 2002-го писали: “Переворот в Венесуэле организован Америкой?” (“Известия”, 12.04.2002).

Борьба шла за цены на нефть, крупнейшим потребителем которой являются Соединённые Штаты. Придя к власти, Чавес громогласно заявил: “Стоимость барреля нефти не может быть меньше барреля шампуня или кока-колы” (“Завтра”, № 17, 2004). В 2000-м он организовал в Каракасе конференцию глав государств ОПЕК – вторую за историю этой организации. С её трибуны Чавес пообещал усилить влияние нефтедобывающих стран.

Апрельский переворот сразу отразился на нефтяной бирже: упали цены. В конечном счёте независимым обозревателям удалось проследить прямую связь между заговорщиками и официальным Вашингтоном. Процитирую обзор, появившийся на сайте Inopressa: “Правительство США обвинили в попытке свергнуть правительство Уго Чавеса в Венесуэле путём финансирования анонимной организации через своё основное агентство международной помощи, – пишет сегодня британская газета “The Guardian”. Миллионы долларов были выделены на “продемократическую программу”. Эти деньги предоставляются организацией Агентство международного развития США (US Agency for International Development – USAID) через Отдел инициатив по финансовым операциям. Отдел инициатив... с 2002 года предоставил различным венесуэльским организациям грантов на сумму 26 млн долларов... “Это означает, что выделяется очень много денег и уделяется очень много внимания тому, чтобы свергнуть Чавеса, – сказал во вторник в Вашингтоне Ларри Бирнс, директор Council on Hemispheric Affairs. – США ведут дипломатическую войну против Венесуэлы” (Inopressa.ru).

Как видим, венесуэльское простонародье помогло своему президенту одолеть не только доморощенных противников, вроде Педро Кармоны и Карлоса Ортеги. Первая держава мира, несмотря на интриги, ничего не смогла поделаться с чавистами.

Выстоять Венесуэле помогли и страны третьего мира. Газета “Завтра” приоткрыла подробности этой не слишком афишируемой операции. В момент забастовки “опековская солидарность здорово помогла венесуэльскому режиму. Никто из участников картеля не попытался уйти в сторону по принципу “моя хата с краю”. Все обьявили о готовности прислать специалистов взамен “саботажников”, и правительство действительно отобрало нужные им кадры” (“Завтра”, № 35, 2004).

Но вернёмся к событиям внутри страны. Оппозиции всё-таки удалось навязать Чавесу референдум о прекращении полномочий. Компромисс между

президентом и его противниками заключался в том, что голосование решили проводить не в пылу страстей, а позднее – с соблюдением всех процедур, прописанных в Конституции. Состоявшееся в августе 2004 года голосование стало триумфом Чавеса.

Так же, как и выборы в Национальную ассамблею, проводившиеся в декабре 2005-го. Оппозиция пошла на отчаянный шаг – её кандидаты отказались от участия. Нет, выборы и после этого не стали безальтернативными: из борьбы выбыло всего 556 из 5 500 кандидатов (BBC Russian.com). Однако отсутствие принципиальных оппонентов позволило чавистам одержать полную победу. 114 мандатов в 167-местном парламенте получила партия “Движение V Республика”, остальные достались её союзникам.

А в следующем году венесуэльского лидера ожидали президентские выборы. Оппозиция после унижительных поражений сменила тактику. Первоначально против него выдвинули популярного комика. Увы, нынешняя эпоха, в переизбытке нафаршированная всевозможными шоу, и в политике всё настойчивее продвигает шоуменов, артистов. Актёром был Рональд Рейган. Актёр Фред Томпсон принимает участие и в нынешних американских праймериз. А в Калифорнии, которая представляет собой государство в государстве, губернаторское кресло занимает знаменитый Арнольд Шварценеггер.

В России на федеральный уровень имел шансы подняться Михаил Евдокимов – великолепный народный типаж, в лёгкую (к изумлению профессиональных политиков) выигравший губернаторские выборы в Алтайском крае. Помню, он, в бытность актёром, в какой-то комедии о пьяной деревне неожиданно трезво и значительно произнёс, глядя на американских засланцев: “Нет, вы не русские люди!” Так сказал, что мороз пробежал по коже! Можно представить, какой эффект эти слова произвели бы, произнеси их Евдокимов на теледебатах в борьбе за президентский пост. А если бы он ещё и сказал о мерах, которые позволили бы русским стать хозяевами в своём доме...

Не дожил!

Да и в Венесуэле из затеи оппозиции ничего не вышло. Но по другой причине. Чавес как личность столь колоритен и артистичен, что никакой актёр не способен переиграть его! Тогда ставку сделали на Мануэля Росалеса, губернатора нефтяного супербогатого штата Сулия. Показательно, богач Росалес вынужден был выдвинуть фактически ту же программу, что и Чавес, – социальные реформы и помощь беднякам. Другие лозунги в Венесуэле “не катят”!

И вновь Каракас стал ареной соревнования манифестаций. За неделю до голосования Росалес вывел на улицу 800 тысяч сторонников (“Независимая газета”, 27.11.2006). На следующий день чависты собрали миллион (“Евроньюс”, 27.11.2006)! На избирательных участках победа Чавеса была ещё более убедительной: 61 процент голосов подано за него, 38 – за Росалеса (“Коммерсантъ”, 5.12.2006).

Президент демонстративно приехал голосовать в бедняцкий квартал Каракаса. А на победный митинг прикатил не в официальном лимузине, а в красном “жучке”-“фольксвагене” своего друга. Информагентства сообщали: “Сотни тысяч сторонников Чавеса, несмотря на проливной дождь, пришли ночью к президентскому дворцу и более часа слушали его речь” (ОРТ. Новости, 4.12.2006). Чавес начал её словами: “Я преклоняюсь перед тобой, народ” (РТР. Вести, 4.12.2006).

Фраза может показаться чересчур выпендренной. Но мы же не где-нибудь – в Латинской Америке! Там и политики, и простые люди выражаются патетически.

Что же касается подлинности чавесовского “народничества”, то вот свидетельство аргентинского мыслителя Н. Сересолы: “Сердцевину власти (Чавеса. – А. К.) составляют отношения между лидером и массой. Уникальность и специфический характер венесуэльского процесса не может быть игнорирован, опровергнут или неверно истолкован. Народ отдаёт приказы своему вождю (разрядка моя. – А. К.), военному лидеру. Он обязан подчиняться этим приказам, идущим от людей. Это то, что лежит в сердцевине власти. В этом сущность созданной модели” (цит. по: Дабагян Э. Уго Чавес: политический портрет. М., 2005).

Конечно, здесь тонкая грань, преступить которую столь же легко, сколь и

опасно. Лидеру так просто убедить себя, что он и народ – одно целое, а значит, приказы вождя – это и есть воля народа.

Э. Дабагян, приводя слова аргентинца, тут же дополняет их теорией некоего В. Ланса – идеолога венесуэльского диктатора Х. В. Гомеса. Латиноамериканские народы, дескать, слишком легкомысленны, чтобы управлять собственной судьбой, концентрироваться на решении центральных задач государства. Поэтому им нужен вождь – каудильо, способный пробудить и актуализировать их энергию.

В 30-е годы, как мы могли убедиться (“Наш современник”, № 11, 2006), подобные теории были популярны. И оправдывались, хотя бы отчасти, роковым характером эпохи.

Впрочем, методологически “наращивание смысла”, произведённое Дабагяном, чистейший произвол, а проще говоря, подтасовка. Между Лансом и Чавесом не только несколько десятилетий, но и несколько политических эпох. К тому же красный президент не раз предельно резко отзывался о прежних руководителях Венесуэлы, видя в них ставленников олигархии, диктаторов. А с Гомесом у Чавеса особые счёты: именно против него поднял восстание прадед нынешнего президента.

Но если с научной точки зрения нарратив Дабагяна достоин осуждения, то по-человечески он понятен. Исследователь не доверяет формуле: “Народ отдаёт приказы своему вождю... Он обязан подчиняться этим приказам”.

И масса читателей моей работы, полагаю, также не доверяет. Весь опыт нашей жизни в XX веке побуждает к этому. Кто только не клялся в том, что действует от имени и по поручению...

Более того, обращение к политической практике современной Латинской Америки способно лишь укрепить такое недоверие.

Чавес стал культовой фигурой на континенте. Ему многие подражают и пытаются связать свою деятельность с его именем и его лозунгами. К числу таких политиков относится, точнее, относился, полковник Л. Гутьеррес (о закате его карьеры упоминалось в предыдущей главе).

Гутьерреса часто называли “эквадорским Чавесом” (биография экс-президента излагается по статье М. Чумаковой “Эквадор: анатомия нестабильности”. – “Латинская Америка”, № 6, 2003). Как и его венесуэльский коллега, Гутьеррес – метис, и это давало ему возможность представлять себя “выходцем из низов”, говорить от имени индейских масс, переживающих сейчас культурный и политический подъём. Как и Чавес, он военный и спортсмен (в прошлом чемпион континента по военному пятиборью).

И далее, как под копирку: в 2000-м полковник Гутьеррес поднимает военный мятеж, скоординированный с выступлением восставших индейцев. Мятеж подавили, полковник оказался в тюрьме, но уже через год его амнистируют. В 2002-м он идёт на президентские выборы под лозунгом бескомпромиссной борьбы с коррупцией и защиты народных масс. Побеждает и приносит присягу в присутствии У. Чавеса и Ф. Кастро.

Именно здесь путь Гутьерреса делает крутую загогулину. Или, проще говоря, возвращается на дорогу, проложенную многими латиноамериканскими лидерами. Придя к власти на волне популистских обещаний, он обманывает избирателей. “Правительство пошло традиционным путём его предшественников”, – комментировала газета “Экспресо” первые шаги президентской команды. Гутьеррес продолжил политику привязки национальной экономики к доллару, заключил соглашение с МВФ, начал приватизацию нефтяной компании PetroEcuador. В международной сфере он поддержал агрессию Буша в Ираке и согласился на размещение американских военных в Эквадоре. В социальной сфере президент отметился повышением цен на бензин, продовольствие и транспорт. Финал известен – разъярённые толпы обманутых эквадорцев выбросили Гутьерреса из президентского дворца.

По-иному сложилась судьба Ольянто Умалы, “перуанского команданте”, как именуют его СМИ. Подобно Чавесу и Гутьерресу, он начал политический путь с силовой акции. Его брат, Антауро Умала – фигура не менее яркая, – до сих пор отбывает срок за попытку военного переворота. Из тюремной камеры он баллотировался в парламент, призывая, среди прочего, “расстреливать евреев, представителей власти и гомосексуалистов” (“Коммерсантъ”, 10.04.2006).

Ольянто попытался взять более высокую планку – он боролся за высший

пост в стране. В основе его программы – госконтроль над экономикой, антиамериканизм, индейский национализм (там же). Ну и, разумеется, солидарность с Венесуэлой и лично с Чавесом. В свою очередь, венесуэльский руководитель горячо поддержал Умалу. Однако даже это не помогло – избиратель оттолкнул его радикализм.

Почему же ни Гутьерресу, ни Умале, ни другим менее известным подражателям венесуэльского лидера не удалось повторить его успех? Убеждён – потому, что, в отличие от Гутьерреса, он не обманывает народ, в отличие от Умалы, не навязывает ему радикальные сценарии, хотя ему самому радикализм не чужд. Чавес действительно подчиняется приказам своего народа.

Понимаю, что и это утверждение может быть поставлено под сомнение. Поэтому под конец я прибегну к практическому доказательству. Вернее, его породила сама жизнь, бурное течение венесуэльской политики, а я решил воспользоваться им для иллюстрации своего тезиса.

2 декабря 2007 года в Венесуэле прошёл референдум по проекту реформы Конституции. Правительство предложило 69 поправок, которые должны были создать базу для построения “социализма XXI века”. О сути реформы и о чавистской концепции социализма – далёкой от традиционной – поговорим в следующей главе, последней в латиноамериканском цикле. Пока зафиксируем: Чавес вновь пошёл на совет с народом.

Обозреватели дружно предрекали ему победу. Многие основывали прогноз на высокой популярности президента. Но были и такие, кто цинично намекал на использование административного ресурса: “Важно не как считать, а кто считает”, – язвительно замечала газета “Время новостей” (3.12.2007).

К сожалению, в современной России чуть ли не поголовно убеждены: всё и везде решается по понятиям. Примерно в то же время в стране оживлённо обсуждались шансы нашей сборной по футболу. Все были уверены: израильтяне “лягут” под Россию – им путёвки на чемпионат уже не видать, а остальное, дескать, “уладит” прилетевший на матч Абрамович. Об этом прямо говорили в телекомментариях, писали в прессе! Потом, когда Израиль не уступил, все сочли, что хорваты проиграют англичанам. Обсуждалась та же схема: стороны сговариваются и “кидают лохов”. На этот раз “лохами” оказывались россияне. И каково же было потрясение – поистине всенародное (от провинциальных пивнушек до кремлёвских верхов), когда “немотивированные” хорваты выиграли, открыв нашей сборной дорогу на чемпионат. Буквально вся страна изумилась. Чему? Вдумайтесь – чему?! Тому, что, оказывается, где-то в футбол ещё играют честно.

Чавес показал, что и в политике можно играть честно. Референдум он проиграл – впервые за 9 лет. Но, право, это поражение можно зачесть за победу!

Разрыв был микроскопическим: 49,3 процента – за, 50,7 – против. Всего полтора процента! Как в таких случаях “играют по понятиям”, рассказывать россиянам не надо... Между прочим, в Венесуэле тоже есть отдалённые территории, есть индейские общины, живущие фактически в изоляции от “большого мира”, есть опасные районы, куда из соседней Колумбии забредают партизаны. Никакой наблюдатель от оппозиции, а тем более от ОБСЕ туда не сунется! “Рисуй” какие угодно проценты. Есть, наконец, армия, которой Чавес дал право голосовать. Вот бы и подсобили “верховному”: стопроцентное “за” – при стопроцентной явке.

Чавес демонстративно пренебрёг подобными возможностями. “Я благодарю вас и поздравляю, – обратился он к голосовавшим. – Разрыв был микроскопическим, но я принимаю решение, которое сделал народ” (“Коммерсантъ”, 4.12.2007). Президент отметил: “Венесуэльское общество оказалось неготовым к переходу страны на социалистический путь развития” (“Коммерсантъ”, 6.12.2007). И чтобы ни у кого не осталось сомнения, как и м п р и н ц и п о м он руководствовался до сих пор и намерен руководствоваться впредь, Чавес сказал, обращаясь к своим сторонникам: “Печалиться не надо. Э т о д е м о к р а т и я” (разрядка моя. – А. К.).

Так случилось, что 2 декабря к избирательным урнам пришли и россияне. Власти объявили выборы в Думу референдумом о доверии Путину. Обозреватели – российские и зарубежные – не могли пройти мимо такого совпа-

дения. “Подвести итог своей давней игры президенты решили именно 2 декабря, проведя референдумы о доверии себе, — акцентировал “Коммерсантъ”. — Уго Чавес в этой игре проигрывает” (3.12.2007).

В чём же российская газета усматривает “просчёт” (так в тексте) венесуэльского президента? “Единственный просчёт (здесь и далее рядка моя. — А. К.) Уго Чавеса — это его план. Он почему-то не стал делать из него секрета. Он разработал 69 поправок к Конституции и всем о них рассказал. Он мог сказать, что ещё не пришло время говорить, какой будет его политика в 2008-м. Но вместо этого он раскрыл карты... Он наверняка мог сделать это втёмную, меняя правила игры на ходу, но не стал” (“Коммерсантъ”, 3.12.2007).

Там, где российская пресса (боюсь, что и население России) видит слабость Чавеса, я вижу его огромную силу. Он проиграл референдум, но выиграл доверие. Ещё раз подтвердил, что он — народный президент.

Что толку в оглушительной победе, когда на вопрос редакции “МК”: “Доверяете ли вы результатам выборов (в России. — А. К.)?” 70 процентов ответили “нет”. (“МК”, 4.12.2007). Подумайте — три четверти не верят победным реляциям власти!*

Можно поставить под сомнение представительность, или, как теперь говорят, репрезентативность опроса. Но не поспоришь с фактами российской истории последнего полувека.

После смерти Сталина многим казалось, что наибольшую власть сосредоточил в своих руках Лаврентий Берия. Однако когда Берия был заключён под стражу и лишён всех постов, ни один человек не пришёл к нему на выручку. То же было при снятии Г. Маленкова, Н. Булганина, а затем и Н. Хрущёва. А ведь на всевозможных съездах и пленумах за них голосовали 99,9 процента. После потери власти вчерашний “вождь и учитель” автоматически превращался в “волонтариста”, а то и в “исчадие ада”. Годами копившиеся под спудом недоверие и неприязнь мгновенно прорывались наружу!

Схожая судьба уже в “демократическую” эпоху постигла и М. Горбачёва. Правда, Б. Ельцин вроде бы сам передал власть. Но как только сделал это, сразу стал “пьяницей”, “самодуром” и “разрушителем СССР”**.

Не хотелось бы, чтобы эта традиция продолжилась. Но вот любопытно: Путин ещё не успел уйти, только-только определился с преемником. А опросы общественного мнения уже показали: за Медведева готовы голосовать 79 процентов россиян (“МК”, 28.12.2007). Это на 26 процентов больше, чем за Путина в 2000-м, и на 8 процентов больше, чем в 2002-м. Что же, новый руководитель работает настолько лучше? Или проще: “Кто ни поп — тот и батька!” Зовите следующего, будем кричать “Ура!”.

Нужна ли такая поддержка? А главное — способна ли она защитить и выручить в случае кризиса, в решающую минуту?

А Чавеса люди придут отстаивать в любой момент! Не только потому, что симпатизируют ему лично. Миллионы венесуэльцев видят в нём выразителя своих устремлений. Вновь уже безо всяких сомнений повторю формулу народной власти: “Народ отдаёт приказы своему вождю... Он обязан подчиняться этим приказам, идущим от людей”.

Такой вождь и такой народ непобедимы.

(Продолжение следует)

* Видимо, такая реакция, не оставившая камня на камне от официозного благолепия, заставила партию власти по-иному взглянуть на свою предвыборную стратегию. Говоря о грядущих президентских выборах, близкий к Кремлю политолог, депутат от “Единой России” С. Марков, подчеркнул: “...Нельзя допустить, чтобы административным ресурсом власть в эту кампанию злоупотребляла так же, как в минувшие думские выборы”. Отметив, что кандидат Кремля всё равно победит, Марков уточнил: пусть он “получит на 5–6% меньше, чем получил бы с административным ресурсом, зато в глазах избирателей он будет легитимным президентом” (“Коммерсантъ”, 21.01.2008). Важное, хотя и запоздалое уточнение. Исходя из слов Маркова, можно заключить, что новая Дума, депутатом которой он является, считается легитимной не может...

** Падение Союза — во многом результат той же практики манипуляций людьми. Население настолько привыкло, что всё решается “там, наверху”, что, когда стране потребовалась защита, оно отсиделось по домам. А наверху, действительно, всё решили — к выгоде республиканских “элит”.